

Еще о театре Красного быта

Со всех сторон раздаются голоса о необходимости создания рабочего революционного театра. Коллеги Наркомпроса довольно отказались как объединению театров Красного быта, так и культурному отделу МСНС, а их требования немедленно дать под такой театр Новый театр — выделенный отдел МСНС театра. Я не стану здесь выдвигать доводов коллегам, но могу сказать, только, что я с теплым сердцем откликаюсь в этом рабочим организациям и пытаюсь своим примером делом всемерно способствовать развитию революционного рабочего театра на более широких пока началах, в других помещениях, которые мы стараемся организовать с тем, чтобы здесь и во время обдумать к будущему году вопрос о переносении такого театра на Театральную площадь.

Теперь я хочу упомянуть несколько особенностей о том характере, который должен приобрести театр Красного быта, при чем, как мне кажется, я буду высказываться не только индивидуальные мои мнения, но и мнение инициативной группы театров Красного быта, состоящей из товарищей: Давыдовского, Басаянети, Толбузина, Тухачевского и Чижевского.

Первый вопрос, который поднимается у нас в этой группе, касается между прочим на сцене «Известий» тов. Уряева, заключается в том, как бы нам не работать на группы в течение вечера и что это не очень многочисленная сила, которая бы могла бы собрать вокруг себя массы рабочего революционного театра. С этой точки зрения основным является, что театр Красного быта и культурный отдел МСНС должны сговориться друг с другом, и в едином роде слов, вероятно, провозгласит на-тих.

Остро стоит вопрос с Театром Революции. Театр Революции на Никитской является готовым театром с известными репертуаром. Более или менее посещаемый театром, и казался бы, для чего не пойти от добра добра. Не лучше ли сосредоточить свои силы вокруг него. Однако, сопоставив очеловачив, что сделать этого нельзя. Нельзя забывать о Мейерхольде на-

более талантливого и наиболее опытного порою из фактических руководителей Театра Революции, чтобы он пошел дальше в своих уступках реализму, чем он сделал до сих пор. И нельзя требовать, с другой стороны, от театральных художников и драматургов-реалистов, чтобы они считали себя удовлетворенными обслуживанием рабочей публики в тонах легкого и крайне-легкого полурецитала. Я не хочу здесь становиться на индивидуальную и полемическую точку зрения. Я вовсе не хочу доказывать, что так-называемое левое искусство в театре не заслуживает никакого внимания и является чем-то, подлежащим даже осуждению или гонению. Но факт тот, что чрезвычайно многие работники художественного отряда нашей полупросветительной работы стоят на той точке зрения, что означенное искусство до крайности затрудняет для рабочего класса подход к театру и понимание тех идей и чувств, которыми этот театр должен быть заражен. Так же точно и очень многие рабочие относятся к легким тенденциям в этом смысле отрицательно. Мне кажется, я отнюдь не буду субъективен, если скажу, что огромное большинство московских рабочих предпочитает посетить самый обыкновенный реалистический театр и увидеть старую пьесу Островского, чем пойти в Театр Революции на пьесу, свою по содержанию (или более или менее свою). И это именно потому, что рабочая масса не понимает стилизаторских приемов; они являются для нее такой же трудностью, как если бы вместо обычного русского языка, на котором мы говорим, употреблялись особенно замысловатые речения.

В «Правде» был отмечен огромный успех Мейерхольда при обходе им провинции, по это никак не изменило. Если бы он еще больше, если бы нешел революционный театр реалистический. Собирались же о том, что Мейерхольд смог давать свои спектакли на заводах, площадях и упрощенных площадках, потому что является убедительным потому, что именно так может давать свои спектакли

и театр реалистический. Пужко быть фрески навалили человеком, чтобы воображать, что для реалистического театра обязательным подмостки, рампа и т. д. Он просто обозначает большую близость к тем жизненным формам, которые действительно вокруг нас существуют. Я совершенно определенно убежден, что если бы при равной талантливости автора, сценариста и т. д. были бы две равноценные пьесы были даны перед любой рабочей аудиторией в легких тонах и реалистических, то, по крайней мере, девять десятых рабочих высказались бы за реалистическую постановку.

Кроме того, есть еще одно чрезвычайно важное замечание. Поскольку Мейерхольду и его сподвижникам приходится работать в области революционного театра, они, по существу говоря, делают не свое дело. В самом деле, разве не является характернейшим для Мейерхольда (или, может быть, В. Э. за это время переменил свои убеждения), что в театре не должно быть психологии, что театральная форма стоит выше театрального содержания. Разве можно забыть те утверждения, которые с таким блеском устно и письменно заявил Мейерхольд, доказывая, что приближение театра к цирку, приближение его к легкому фарсу, автоматизация его есть именно эволюция театра в сторону того здорового и блестящего зрелища, каким он должен быть. Разве мы не помним, что Мейерхольд считал себя призванным покончить со всякой эмоцией и со всякой скучной пропагандой идейного характера с бедняков.

Революционный же рабочий театр есть, несомненно, театр-школа, это, конечно, есть культурно-просветительный институт. Разумеется, он должен быть художественным. Он должен и развлекать, и поучать, и смущать, потому что вне художественного воздействия на зрителя нет и той специфической агитирующей силы, которая захватывает нас, пропагандистов-агитаторов, прибавить к искусству, или в форме зрелища зрительными идеями и чувствами зрителя, на которую мы хотим воздействовать. В рабочем театре дело будет обстоять не так. Нет вы-

соко-художественный, современный, формально новый или формально совершенный спектакль, при чем, в конце-концов, позаботиться и о том, чтобы какие-нибудь крупицы истины попутно введены были в сознание зрителя? Нет. В революционном рабочем театре дело будет идти именно о том, чтобы создать определенное настроение и со всей силой художественности выразить определенные мысли в лагере идей рабочего самоопознания масс. Искусство тут является служебным. Это не значит, что оно не будет здесь блестящим: может быть, талант здесь еще окажется великим. Недаром же недавно один крупный авторге-марксист, стоявший до сих пор на чисто-формалистической точке зрения, прямо заявил, что искусство гибнет, что оно пришло к своему последнему дню, и что спасение только в служебности, так сказать, в смиренном служении определенным большим идеям и высоким чувствам.

Все это совершенно противоречит мейерхольдизму, как таковому. Я буду, конечно, очень рад, если так-называемое левое революционное искусство в этом смысле как можно больше поправится, но я прямо заявляю, что с точки зрения агитационно-пропагандистской почти всякое стилизаторство, а тем более вот этот модерн, бес которого мучит, начиная с конца прошлого века, мировую интеллигенцию, затрудняют простоту, прямоту и силу психологического воздействия на массу.

Театр Красного быта твердо и желает развить свою работу в этом направлении. Нам нужен не просто революционный театр. Нам нужен чрезвычайно доступный, в высшей степени убедительный и, в самую первую очередь, пропагандистский театр.

Прибавлю несколько слов к этой первой статье, так как к теме этой я думаю вернуться, относительно выражения быта. Тут у меня вполне ясное недоразумение с тов. Дубовским и с «Правдой». Я не считал нужным отвечать на его второй фельетон, но несколько замечаний по этому поводу я сейчас сделаю.

На одном из конгрессов, каже Бреславле, лет 25 тому назад, германскими рабочими во всю ширь был поставлен вопрос о бытовом искусстве. После конгресса Зиштер поздравил партию с тем, что она могла на политическом так много и глубоко толковать о искусстве. Что же выяснилось из этих дискуссий? Это протест против тех интеллигентных, иллюстрированных прижизненных портретов, которые старались почти сплошь и единственно рабочего быта. В целом ряде этих рабочих заявляли, что они сами знают, как им голодно, тепло или холодно, что им этого количества они предпочитают поэтому и интеллигентную новеллу, типа как Дома, чем эту реалистическую беспредельную капиталь, которую мы художники-пессимисты. Я думаю, если бы нашлись художники-операторы, которые вздумали бы подсаживать чей быт, то средняя рабочая была бы еще более этим возмущена.

В те времена, когда революции и когда рабочий быт был каквозражен, а выходом были только правда, острые, по все-таки целое многообразные формы борьбы, как с теми обиденные партийные будни, — и для рабочего был только, так сказать, куда-то прочь от своего класса, в область, скажем, фантазии, мифической романтики и т. д. Теперь совсем иное. Теперь рядом с рабочим бытом в собственном смысле слова, т. е. еще непронутым наследием прошлого, имеется типичный быт в кавычках, т. е. та часть бытия рабочих, которая вырывает их далеко от их будней, от чего-то обиденного. Нам было далеко не бытовое, наш быт — не обиденный, мегущийся во всей той части, где происходит строительство нового. Тов. Дубовский и некоторые другие никак не хотят меня понять. Я даже не говорю, что беллетристика должна изучать быт в широком смысле этого слова. Великие журналистские наблюдения его, конечно, должны быть наблюдены и художниками, но именно всего — драматургами. Я не думаю, что можно было бы занять рабочую массу